

А.С. Пушкин и И.Е. Великопольский

А.С. Пушкин в письме, написанном в с. Преображенское, обращаясь к Великопольскому, сообщает:

«С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви, то резвый, то унылый».¹

Эти строчки публикуются в такой редакции, которая, как нам кажется, по небрежности искажает смысл обращения поэта к собрату по перу. Прежние издания (в частности, под редакцией Б.Л. Модзалевского) акцентируют внимание на том, что «резвой и унылой» является любовь, воспеваемая Великопольским, а не певец. Это, видимо, правильная авторская позиция. О стихотворном послании Пушкина Великопольскому немного позже, а вначале – краткая биографическая справка о Великопольском.

Иван Ермолаевич Великопольский (родился 27 декабря 1797 г., умер 6 февраля 1868 г.) обучался в Казанском университете. По всей вероятности, не окончив его, поступил на военную службу в 1815 г., т.е. в возрасте 17 лет, в лейб-гвардии Семеновский полк, по утверждению Б.Л. Модзалевского, подпрапорщиком,² а Л.А. Черейского – подпоручиком.³ В 1815-20 гг. Великопольский, находясь на службе в столичном гвардейском полку, получает возможность реализовать свою рано пробудившуюся любовь к занятиям литературной деятельностью. С 1818 г. он находится в членах Вольного Общества любителей российской словесности, наук и художеств. Членом этих обществ был и А.С. Пушкин, поэтому вполне естественно, что их знакомство состоялось в эти годы. Встречи Великопольского с Пушкиным были частыми, тем более что у них были общие друзья – И.И. Пущин и А.А. Дельвиг, которым Великопольский посвятил свои стихи. (Впрочем, в это же время он пишет эпиграмму на Булгарина). Правда, конкретных сведений о фактах связи Великопольского с Пущиным в этот период нет.

Матвеев Евгений Петрович - историк-краевед (г. Псков).

В мае 1820 г. Пушкин был сослан на юг, а в конце 1820 г. после распасирования (аналог современного расформирования, но без ликвидации) Семеновского полка в связи с бунтом в нем, в котором лично Великопольский не участвовал, он был переведен уже в чине штабс-капитана для службы в Псков, где и прослужил до 1827 г., когда вышел в отставку майором. В псковский период своей жизни (1820-1827 гг.) Великопольский продолжал заниматься литературной деятельностью, продолжал печатать свои стихи в журнале «Благонамеренный» в 1821-1825 гг. и в журнале, издаваемом Дельвигом, «Северные цветы» в 1826-1827 гг.

В этот же период состоялись встречи Великопольского с Пушкиным и обмен письмами; четыре письма Пушкина известны, но вот ни одного письма Великопольского к Пушкину, к сожалению, не сохранилось.

Первое из этих писем Пушкиным написано в Михайловском не позднее 11 марта 1826 г. Эта дата фиксируется почтовым штемпелем «Опочка 1826 марта 11», как свидетельствует издатель этого письма П.И. Бартенев, опубликовавший его в 1884 г. (правда, до нашего времени подлинник письма не обнаружен). В этом письме три главных факта: во-первых, Пушкин благодарит Великопольского за письмо от него – стало быть, них уже установилась связь, а может быть, уже были и встречи; во-вторых их заботит судьба поэта-крестьянина Слепушкина (Пушкин впоследствии встречается с ним); в-третьих, из письма мы узнаем, что у друга Великопольского – Цицианова – был портрет Пушкина. Что это за портрет? Едва ли найдется ответ на этот вопрос (Приложение 1). Это письмо Пушкина свидетельствует о том (правда, косвенно), что Пушкин встречался с Великопольским и Цициановым в Пскове, где он побывал в период с 10 по 17 февраля 1826 г. Впоследствии Пушкин приезжает в Псков в период с 5 по 13 мая и с 25 мая по 10 июня 1826 г. Видимо, и в приезды в Псков Пушкин нео-

днократно встречается с Великопольским. Может быть, даже при его содействии он знакомится с Гаврилой Петровичем Назимовым, двоюродным братом декабриста Назимова, друга Рылеева. Во время довольно длительного пребывания в Пскове (может быть, в ожидании известий из столицы о следствии и судьбе декабристов) Пушкин, Великопольский и Цицианов, а также Назимов играют в карты. Великопольский - азартный игрок (однажды еще в Петербурге он проиграл 30 тыс.руб.), проиграв Пушкину 500 руб. и не имея в наличности их, расстаётся с Пушкиным, сам отправляется по делам службы в Юрбург, где проводил следствие по контрабанде, а Пушкин уехал с Назимовым в его имение Преображенское, что в 40 верстах от Пскова, в сторону Михайловского. Там Пушкин проиграл Назимову 500 руб., быть может сознательно доведя сумму проигрыша до ранее выигранной у Великопольского, и сам, не имея денег для расчёта с Назимовым, пишет 3 июня 1826 г. Великопольскому письмо, в котором просит возвратить эти деньги Назимову. Отметим, что в этом стихотворном послании Пушкина все очень тактично, Пушкин свою неудачу в карточной игре сравнивает с неудачей Великопольского в шуточной форме, не оскорбляя чувств последнего. Приписка, сделанная Цициановым, свидетельствует, что и тот был в эти дни у Назимова в Преображенском. Это письмо впервые было опубликовано П.И. Бартеневым в 1884 г., подлинник хранится в Пушкинском доме. (Приложение 2.) Великопольский сразу же (12 июня 1826 г.) после получения пушкинского письма, разразился стихотворным посланием Поэту, причем совершенно ничем не спровоцированная, заносчивая, назидательная мораль-наказ пронизывает все послание. (Приложение 3.) Судя по всему, Пушкин простил новоявленному моралисту его заносчивость, и тем бы и могла окончиться эта история. Однако Великопольский, не получив от Пушкина ответа на свое обидное письмо, закусил удила, и его понесло... на прямые оскорбления Пушкина. Знал ли Пушкин об этой эпиграмме? Видимо, знал (но только намного

позже), ибо 10 марта 1828 г. он в «Послании к В., сочинителю Сатиры на игроков» (об этом «Послании» ниже – Е.М.) замечает: «Мне жалок очень твой Арист». Эта эпиграмма написана 1 сентября 1826 г. в Критингене, где Великопольский находился по делам службы, а уже 4 сентября 1826 г. Пушкин покинул Псков, уезжая в Москву по вызову Николая I. О том, что и в декабре 1826 г. Пушкину, видимо, неизвестна была эта эпиграмма, свидетельствует и письмо Пушкина Великопольскому, впервые опубликованное Н.О.Лернером в 1924 г., подлинник не известен. (Приложение 5.) О том, что еще довольно терпимо Пушкин относится к Великопольскому, свидетельствует и письмо Поэта к С.А. Соболевскому (декабрь 1827 г.), в котором Пушкин шуточно-обидливо упрекает друга за задержку печатания 2-1 главы («Онегина») и завершает письмо следующими словами: «...перепечатавая нас образцовых Великих людей – Мерзлякова, двух Пушкиных, Великопольского, Подолинского, Полевого и проч.»⁴

Заканчивая известия о псковском периоде жизни Великопольского, необходимо несколько слов сказать и о князе Федоре Ивановиче Цицианове (1801-1832 гг.), сослуживце Великопольского по гвардии в Семеновском полку, а затем в Псковском пехотном полку (1820-1827 гг.), тем более, что Цицианов дважды в связи с Пушкиным упоминается. Каким-то образом у Цицианова появляется портрет Пушкина, который Пушкин жалеет, что «не отнял у него своего портрета» (см. приложение 1). И ведь неслучайно Пушкин позволяет Цицианову сделать приписку в своем письме к Великопольскому (см. приложение 2). А сам Великопольский в январе 1825 г., видимо иронизируя над поэтическими занятиями друга, под стихами в честь какой-то Элизы, начатыми и неоконченными Цициановым, приписывает стихи, в которых подтрунивает над его увлечением (см. приложение 6). Великопольский, выйдя в 1827 г. в отставку майором, поселился в родовом поместье Чукавино, Старицкого у., Тверской губ., жил постоянно там, часто бывал в Москве,

интенсивно занимался литературными трудами. Там же, в Старицком у. находились владения тверских Вульфов, у которых Пушкин неоднократно гостил. Возможно, были встречи Пушкина и Великопольского в Тверской губ., Москве или даже в Петербурге. Литературная же перепалка поэтов, совсем было затихшая в Пскове, вновь разгорается и достигает кульминации в оскорбительных посланиях друг другу. Причем и в этой новой перепалке ее инициирует Великопольский. 13 февраля 1828 г. он пишет послание «А.С. Пушкину. По прочтении некоторых его сочинений» и сразу же публикует изящную книжку «Эрасту. Сатира на игроков», в которой рассказывается нравоучительная история о том, как карточный игрок Эраст в одну ночь проиграл целое состояние опытному игроку Дамону, тем самым погубил свою честь и сошел с ума. Н.О. Лернер считал, что Великопольский читал Пушкину эту сатиру до ее публикации. В Булгаринской «Северной пчеле» в 1828 г. (№ 26 от 1 марта), намереваясь, быть может, публично оправдаться перед Пушкиным за нескромность своих намеков, Великопольский опубликовал краткую рецензию на свою сатиру. Однако Пушкин не удовлетворился этими объяснениями, и долго копившееся раздражение нетактичностью поэта-игрока вылилось в остроумное «Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков», и уже 10 марта 1828 г. в «Северной пчеле» (№ 30) оно было напечатано. (Приложение 7). Подписи под опубликованным «Посланием к В...» не было, однако издатель его – Булгарин – снабдил следующим примечанием: «Имени сочинителя сих стихов не подписываем: экс унгвэ леонэм» [в переводе с латинского означает «по когтю льва» – русский аналог: «видна птица по полету» – *Е.М.*]. Великопольский справедливо решил, что «Послание...» адресовано ему и автор – Пушкин. Задетый за живое разоблачениями, он написал 17 марта 1828 г. ответное послание Пушкину и послал его Булгарину для публикации в «Северной пчеле». (Приложение 8). Булгарин не рискнул напечатать это послание, посчитав, что в этих стихах большая «лич-

ность», показал его Пушкину, и тот отправляет Великопольскому объяснительное письмо с серьезным предупреждением больше не задиаться. (Приложение 9.)

Великопольский же, вместо того, чтобы, образно говоря, примирительно пожать протянутую Пушкиным ему руку дружбы и согласиться на его пожелание «при первом свидании мирно примемся за карты и стихи», как говорится, в очередной раз закусил удила и в пространным письме не Пушкину, а Булгарину (хотя благоразумнее было бы частным же образом и ответ направить самому Пушкину) стал рассуждать о несправедливом к нему отношении со стороны и Пушкина, и цензуры. Известно, передал ли Булгарин Пушкину это письмо Великопольского, как об этом и просил тот, или его содержание в устной форме было изложено Поэту, но со стороны Пушкина писем Великопольскому больше, по-видимому, не было. Пушкин же, хорошо осведомленный в любом случае о поступке Великопольского, в очередной раз прекратил перепалку, хотя не упустил возможности написать на него эпиграмму, нигде им, правда, не опубликованную и вряд ли известную самому Великопольскому:

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучи ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров –
И с радостью на карту б, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя б в копейку.⁵

Видимо, на этом и закончилась литературная перепалка, обмен письмами и стихотворными посланиями Пушкина и Великопольского. Итак, сохранилось четыре письма Пушкина к Великопольскому и ни одного - Великопольского к Пушкину; правда, письмо Великопольского Булгарину как бы адресуется Пушкину. Сохранились и здесь процитированы три стихотворения Пушкина о Великопольском и три стихотворения Великопольского о Пушкине. Азарт к картам был сильной страстью Великопольского; и Пушкин не лишен был этой страсти (кому больше везло в картах, трудно судить). Что же касается поэзии, то

бесспорно, что поэтические опыты Великопольского, быть может и заинтересовавшие кого-то из его современников, в наше время были бы преданы забвению, если бы его имя, встречи, литературные занятия не переплетались бы с судьбою Пушкина. Пушкин прощал Великопольскому его задиристость, порою вздорность и бестактность. (Эта история, в частности, опровергает неправильное, однако довольно широко распространенное мнение, что Пушкин при малейшем поводе сразу же вызывал обидчика, оскорбителя на дуэль). И это в какой-то момент образумило Великопольского, который в 1829 г. написал «Ответ на отзыв журналов о Сатире на игроков» и показал этот «Ответ» Пушкину. Концовка этого «Ответа» содержала следующее извинение Великопольского перед Пушкиным: « В заключение могу ли позволить себе сказать слово о «Послании» ко мне, напечатанном в 30-м номере «Северной пчелы» прошлого года? Любезный сочинитель, которого блистательное в словесности нашей имя слишком хорошо узнается без всякой надобности для того в подписи, доставил мне прекрасными своими стихами истинное удовольствие. Признаюсь, что сначала я не так это принял, чему главною причиною было, собственно, не «Послание», а недобрая присоединенная к нему выноска («экс унгве леонэм») издателя газеты, дававшая обращенным ко мне стихам вид не приятельской шутки, а сатирической насмешки. Теперь пообдумав и порассудив, а главное – перечитав стихи с хладнокровием, я очень рад, что автор «Послания» не согласился на напечатание ответ-

ных моих станцов (как сам меня уведомил о том), слишком наскоро мною написанных и посланных издателю газеты на другой же день получения листка сего в Москве».⁶ Это добродушное и чистосердечное признание Великопольского (который, правда, не упустил возможности часть своей вины перебросить на Булгарина) удовлетворило Пушкина, и тот посоветовал этот «Ответ» «непрерменно напечатать». В 1831 г. Великопольский женился на Софье Матвеевне Мудровой, дочери профессора медицины, домашнего врача (до 1811 г.) родителей Пушкина. После выхода в отставку Великопольский в последние 40 лет своей жизни не прекращал своих литературных занятий, писал стихи, пьесы. Его литературное наследство известно лишь узкому кругу специалистов. Имя же Ивана Ермолаевича Великопольского, «поэта-игрока», «певца любви, то резвой, то унылой», довольно широко известно всем пушкинистам, известно хорошо на Псковщине, ибо он удостоился чести быть адресатом пушкинских стихов, вошел в число «спутников» великого Поэта. Судьба же человека Великопольского характерна для многих умных, увлекающихся дворян XIX в. Богатый человек, позволяющий себе крупные проигрыши в карты, увлекся новыми веяниями времени – пытался по-европейски вести сельское хозяйство, занялся коммерческими предприятиями, но неудачно и в конце концов разорился. Благородство, доброта, увлеченность и услужливость, но отсутствие практицизма в России, особенно в условиях XIX в., приводило многих дворян к аналогичному концу.

Приложения

1. Милостивый государь Иван Ермолаевич!

Сердечно благодарю вас за письмо, приятный знак вашего ко мне благорасположения. Стихотворения Слепушкина получил и перечитываю все с большим и большим удивлением. Ваша прекрасная мысль об улучшении состояния поэта-крестьянина, надеюсь, не пропадет. Не знаю, соберусь ли я снова к вам во Псков; вы не совершенно отнимаете у меня надежду вас увидеть в моей глуши: благодарим покамест и за то.

Кланяюсь князю Цицианову; жалею, что не отнял у него своего портрета. Что нового в ваших краях?

Остаюсь с искренним уважением вашим покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.⁷

2. И.Е.Великопольскому

3 июня 1826 г. Преображенское.

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвой, то унылой;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
500 рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою
Сей час, мой друг, увидишь почему.

Сделайте одолжение, пять сот рублей, которые вы мне должны, возратить не мне, но Гавриилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно, Александра Пушкина.

3 июня 1826

Преображенское.

(П.Н. Беклешов)

Скрепил Беклешов.

(Ф.И. Цицианов)

Иван Ермолаевич! Мое почтение: я воспользовался этим случаем вам напомнить о верующем письме, которое вы намеревались (вам) мне прислать для взема денег с Котко; если не пришлете к сроку, что мне делать? – опишите и не забывайте вашего покорного слугу к(нязя) Фед. Цицианова.⁸

3.

В умах людей как прежде царствуй,
Храни священный огонь души,
Как можно менее мытарствуй,
Как можно более пиши,
А за посланье – благодарствуй!

Надменно плавая по небу,
Во многом ты подобен Фебу,
Но я боюсь, чтоб и во всем,
Ты не пошел его путем:
Нет у тебя ни в чем завета
И берегись, чтоб и тебе,
Подобно горестной судьбе
Вождя блистательного света
(Слова не сбудутся, авось!)
Под-час сойти бы не пришлось
К стадам блуждающим Адмета!⁹

Не прав ли я, приятель мой,
Не говорил ли я заране:
Не сдобровать тебе с игрой,
И есть дыра в твоём кармане!...

Но счастье – лживая монета,
И когти длинные поэта
От бед игры не защитят!

4. 1 сентября 1826 г. Великопольский, будучи в Критингене, написал на Пушкина злобную эпиграмму, неизвестно чем ближайшим образом вызванную:

Арист-поэт

Арист – негодный человек
Не связан ни родством, ни дружбой:
Отцом покинут, брошен службой,
Провел без совести свой век.
Его исправить труд напрасен,
За то кричит о нем весь свет:
«Вот он-то истинный поэт!»
И точно: верь или не верь, -
Не правда ли (сказать меж нами), -
На всю поэзию теперь
Другими взглянем мы глазами!¹⁰

5. И.Е.Великопольскому.

Первая половина декабря 1826. Псков.

Милый Иван Ермолаевич – Если вы меня позабыли, то напоминаю Вам о своем существовании. Во Пскове думал я Вас застать, поспорить с Вами и срезать штос – но судьба определила иное. Еду в Москву, коль скоро будут деньги и снег. Снег-то уж падает, да деньги-то с неба не валятся.

Прощайте, пишите мне в Москву.

Видаете ли вы Дельвига?

А.П.¹¹

6.

Ага! И князь с обновой!
И в княжескую кровь
Элизы взор суровый
Вдохнул изменницу – любовь,
И очарованная сила
Очей пленительных и слов
И князя нашего вместила
В число вздыхателей – певцов!
Так при стихий волнений бурном
Восставший света великан,
На своде вспыхнувши лазурном,
С земли лучем своим пурпурным
Сгоняет ссевшийся туман.¹²

7. Послание к Великопольскому. Сочинителю «Сатиры на игроков».

Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:

Некто мой сосед

В томленьях благородной жажды,

Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полднего сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.¹³

Примечание: Едва ли правы издатели ПСС-2 называющие это Пушкинское стихотворение так, как оно здесь озаглавлено. Это стихотворение в томе II «Пушкин. Письма» на с. 283 правильно названо Б.Л.Модзалевским, но он, мне кажется, делает ошибку, при объяснении сути содержания «Эрасту. Сатира на игроков» называя игрока Аристом. Ведь Ариста Пушкин упоминает не как действующее лицо «Сатиры», а как адресата злобной эпиграммы Великопольского (см. приложение 4), тем самым отмечая намеки Великопольского в этой эпиграмме на себя [Е.М.].

8. Узнал я тотчас по замашке
Тебя, насмешливый поэт!
Твой стих весенней легче пташки
Порхает и чарует свет.
Я рад, что гений удосужил
Тебя со мной на пару слов.
Ты очень мило обнаружил
Беседы дружеских часов.
С твоим проказником соседним
Знаком с давнишней я поры, -
Обязан другу он последним
Уроком ветреной поры!
Он очень помнит, как, сменяя
Былые рубрики в кисе,
Глава «Онегина» вторая
Съезжала скромно на тузе...
Блуждая в молодости шибкой,
Он спотыкался о порог;
Но где последняя ошибка, -
Там первой мудрости урок.¹⁴

9. Е.И.Великопольскому
Конец марта 1828 г. Петербург
Любезный Иван Ермолаевич.

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не мог согласиться.

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе,

и ваше примечание – конечно личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочие очень милы. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мере отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиво-

го друга, включить неприязненные строфы в 8-ю гл. (аву) Онегина? NB. Я не проигрывал 2-й главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно как вы заплатили мне свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии. Что если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи.

Простите.

Весь ваш А.П.

Адрес: Евгению Абрамовичу Баратынскому, в Чернышевском переулке, в доме Энгельгардта, в Москве. Прошу доста(вить) И.Е. Великопольскому.

(Впервые опубликовано П.И. Бартеневым в 1884 г. Местонахождение подлинника неизвестно. Издатель указал, что в подлиннике была приписка, сделанная рукою Е.А. Баратынского: «На Большой Екиманке, у Калужских ворот, в доме Еремеевой».)¹⁵

10. Милостивый государь Фаддей Венедиктович! Третьего дня получил я письмо Ал. С. Пушкина. Он уведомляет, ссылаясь на вас, что без его согласия цензура не пропускает, как личность, моих к нему стансов; а что он согласиться не может. – Это меня очень удивило. Разве его ко мне послание не личность? В чем онаго цель и содержание? Не в том ли, что сатирик на игроков сам игрок? Не в обнаружении ли частного случая, должностующего остаться между нами? – Я слишком уверен в благородстве Пушкина, чтобы предполагать такой донос на дружбу истинным его намерением; но дело не в намерении, а в самом деле; и стихи, вышедшие из-под типографского станка, берут направление сами, независимо от автора. Почему же цензура полагает себя вправе пропускать личности на меня, не сказав мне ни слова, и не пропускает личности на Пушкина без его согласия? Позволив одному посмеяться над другим, то не обязан ли, ежели он беспристрастен, не отнимать по крайней мере у другого способов отыгаться? И даже противный проступок, будучи притеснением для одного, не может ли почестся неуважением к другому? Простите, ежели я, может быть, неуместно так распространился. Я хотел оправдать себя в вашем мнении и доказать односторонность действий цензуры, при котором литературный бой никогда не может быть равен. – Но Пушкин, называя свое послание одною шуткою, моими стихами огорчается более, нежели сколько я мог предполагать. Он даже дает мне чувствовать, что следствием напечатания оных будет непримиримая вражда. Надеюсь, что он имеет ко мне довольно почитания, чтобы не предполагать во мне боязни, дорожу его дружбою и прилагаемым при сем к нему письмом (которое по незнанию адреса, имею честь вас просить доставить) отдаю на его полную волю, при некотором условии не читать мои стансы и не печатать, предоставляя себе в последнем случае отыгаться в другом месте, другим образом. – Я счел излишним вас об этом уведомить, полагая, что вам самим неприятна такая односторонность цензуры. Москва, апреля 7-го 1828 г.¹⁶

Примечания

1. *Пушкин*. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. М., 1963. [Далее: ПСС – 2]. С. 348.
2. *Пушкин*. Письма. Т. 11. М., 1928. С. 151.
3. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1957. С. 59.
4. *Пушкин*. Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 1937. [Далее: ПСС – 1]. С. 351.
5. *Пушкин*. ПСС – 2. Т. 3, с. 111.
6. *Пушкин*. Письма... С. 285.
7. *Пушкин*. ПСС – 1. Т. 113. С. 268-269.
8. Там же. С. 281-282.
9. *Пушкин*. Письма... С. 165.
10. Там же. С. 165.
11. *Пушкин*. ПСС – 1. Т. 13. С. 313.
12. *Пушкин*. Письма... С. 152.
13. *Пушкин*. ПСС – 2. Т. 3. С. 51-52.
14. *Пушкин*. Письма... С. 284.
15. *Пушкин*. ПСС – 1. Т. 14. М., 1941. С. 8-9.
16. *Пушкин*. Письма... С. 284-285.